

Леся Орлова

Кто вы, чекист Блюмкин?

Заявка на сценарий художественной фильма

Надо разделаться с ним, потому что в изучаемом периоде он лезет из всех щелей, это страшно раздражает и одновременно интригует подробностями. Поэтому я выгружу (длинно, конечно) – и пусть он возвращается дальше гореть там, где горит. Вот почему, кстати, продюсеры-сценаристы-режиссеры ежели чего берут в работу, так непременно истории хороших людей, и потом сидишь у экрана, плотно зажмурившись от стыда. Берите плохих, а? Которых не жалко! Возьмите Блюмкина, ну что вам стоит, тем более – у него, правда, не жизнь, а кино...

Тут же можно вполне по делу использовать в сотый раз самые примитивные сериальные клише – и они раз в кои веки будут уместны, потому как герой этого заслужил. Скажем, пусть фончиком специальную, в самой сути своей профанирующую истинно важное, залихватскую музычку со скрипочкой – такой стеснительный румяный намек, заставляющий зрителя зацепить большие пальцы за жилетные проймы, – или можно позвать, например, хор Турецкого (да! да! мюзикл! вставные номера! каба-ре!). Опять же, вписать этот эффектенский всегда работающий диалектик, где «бички» и «не делай маме нервы». Гляньте, как все подходит: такой себе мальчик-одессит Яша, ровесник века, сын приказчика Гирша Блюмкина, ходил в еврейское училище, Талмуд изучал. Дальше – все как под копирку: участвовал в отряде еврейской самообороны, подался в эсеры, в революцию экспроприировал ценности Госбанка, сильно подружился с Мишкой Япончиком (ну здесь-то, здесь убедила же? актера прям того же самого можно!), подался в ЧК, переехал в Москву.

Увы, в этой серии с «бичками» закончили, надо что-то другое, видимо, балалайку. Потому что в 18-м Блюмкин ладно бы только в ВЧК вошел как влитой, он еще и в литературные круги влез по уши. И стал лучшим другом Сергея Есенина. Каковой Есенин, форся перед девушками, предлагал им буквально следующее: «А хотите поглядеть, как расстреливают в ЧК? Я вам через Блюмкина это в одну минуту устрою!» (вот же вечная пакость на каждом витке, а, какие-то кадры из «Бригады» в голове, честное слово, полузабытые дуры в леопардовом мини, поющие в караоке, и утонченные филологини в качестве секретарш, «ой, Серенький, ааа даааай пастриляааать»...).

К этому периоду относится история, из-за которой я всегда буду восхищаться Мандельштамом. Блюмкин вконец развращен положением пугала, допущенного в круг смешных слабачков-интеллигентишек. Не удивлюсь, если знаменитый эпизод из «Рабы любви», где белый офицер глумится над съемочной группой, на самом деле корнями уходит именно в эту историю. Восемнадцатилетний всемогущий чекист сидит в поэтическом кафе, надрался страшно. Хвастается неограниченными возможностями. Хочу, говорит, и арестую. Хочу – и расстреляю. И вдруг, актерски чувствуя момент, выдергивает из кармана пачку ордеров и принимается быстро подписывать, приговаривая: «Поручик такой-то... rrrрррастрелять!.. Граф сякой-то... rrrрррастрелять!». Все смотрят в шоке, не в силах поверить в реальность происходящего. И тут к Блюмкину подлетает маленький Мандельштам, вырывает у того из рук бумаги и рвет их в клочья. Блюмкин реально трезвеет в секунду. После чего сообщает, что вот теперь, пожалуй, расстреляет уже конкретно Мандельштама.

К счастью, Осип Эмильевич приятельствует с Ларисой Рейснер. Она стремглав устраивает встречу с Дзержинским, со следующими результатами: 1) Мандельштама отмазывают; 2) Жалобы на террористические замашки Блюмкина остаются гласом вопиющего в пустыне (Рейснер еще и журит потом Мандельштама: «На кой черт вам вообще сдался этот граф? Все они шпионы!»); 3) Дзержинский в высшей степени заинтересован Блюмкиным – в положительном смысле заинтересован, как перспективным кадром.

Блюмкин пока еще – левый эсер. И среди людей с какими-то там сердцами и какими-то руками (что-то из этого чистое)

трудится в Отделе по борьбе с контрреволюцией, возглавляя направление противодействия германскому шпионажу. Летом 18-го он ведет дело захваченного племянника германского посла графа Роберта Мирбаха. Ну, дальше все знают: благодаря этому возникает возможность убить непосредственно посла – Вильгельма фон Мирбаха. Лидерша левых эсеров монструозная Мария Спиридонова, традиционно приязненно относившаяся к практике террора, дает благословение на это предприятие, ЦК одобряет с формулировкой «чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата и совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму», Блюмкин пишет прощальное письмо товарищам: «Черносотенцы-антисемиты с начала войны обвиняют евреев в германофильстве и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Ведь весь мир должен узнать, что еврей-социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву протеста...».

Подробности теракта, едва не сорвавшего Брестский мир, известны – и не лишены жуткой неуклюжей парадоксальной комичности. Лично я, пытаюсь как-то отстраниться разумом от кошмара, вообще вижу это в ускоренной перемотке, когда, знаете, все очень быстро прибегают, машут руками, очень быстро убегают, ха-ха, вот умора. Блюмкин с «другом по партии» Николаем Андреевым и с бомбой в портфеле приезжают в немецкое посольство, просто звонят в дверь, и их просто пускает швейцар, ничего толком даже не разобрав из путаных блюмкинских разъяснений на плохом немецком. Уяснив, что товарищи – от Дзержинского, посол их принимает. За стол садятся граф Мирбах, тайный советник посольства доктор Рицлер, переводчик и Блюмкин. Андреев остается в дверях, перекурывая выход. И дальше начинается стыдный бредовый ужас. Минут через двадцать разговор Блюмкин, подумав, достает из портфеля револьвер и последовательно палит в упор в Мирбаха, Рицлера и переводчика, те падают, Блюмкин убегает в соседний зал. Мирбах встает и, согнувшись пополам, бредет вслед за Блюмкиным. Андреев швыряет ему под ноги бомбу, та не взрывается. Тогда Андреев толкает Мирбаха в угол и лезет за револьвером, а Блюмкин хватается ва-

ляющуюся бомбу и с разбегу опять ее швыряет. На этот раз взрыв происходит. Блюмкин прыгает в окошко, при приземлении ломая ногу, карабкается по ограде, из окон начинают стрелять и ранят его снова-таки в ногу. Он повисает штанами на ограде и так болтается. Андреев не спеша добывает Мирбаха, снимает Блюмкина с решетки, грузит его в машину, и они уезжают (сам-то Блюмкин впоследствии будет рассказывать красивую историю, где никакого некомильфотного висения на штанах, ясное дело, нету, а есть – как он полз, раненый, к машине и прочая романтика). Дальше он скрывается под разными фамилиями, его ищут, но – в соответствии с прямым указанием Ленина: «Искать, очень тщательно искать! Но... не найти!». Под это дело большевики преспокойно берут всех левых эсеров прямо во время съезда в Большом театре – обвинив в вооруженном восстании. Ну, дальше там латышские стрелки, разгром «мятежников» и прочее непотребство, но мы не о том, мы о Блюмкине.

Он в своей игре в прятки добирается до Украины. В Киеве привычно развлекается – готовит теракт против Скоропадского, например, а чуть позже, с махновцами, покушение на Колчака. Весной 19-го попадает в плен к петлюровцам, на радостях выбившим ему передние зубы. В финале приходит с повинной в киевское ВЧК, где его приговаривают к расстрелу, но вскоре по настоятельной рекомендации Дзержинского амнистируют. По слухам, кристальный герой Блюмкин выдал большевикам множество товарищей по партии, за что ему левые эсеры вынесли смертный приговор. На Блюмкина неоднократно покушались. Безуспешно: он был пугающе везучим. То в него любимая женщина, страстная эсерка Лида Соркина стреляет на свидании, но как-то, прямо скажем, странно дрогнув рукой, поскольку семь пуль ушло мимо. То в кафе на Крещатике стреляют в упор двое – и он тоже отделяется ранением, вовремя упав вместе со стулом. То в его больницу палату бросают бомбу, а он успевает выпрыгнуть в окно...

Дальше – счастливый билет: наркомвоенмор Троцкий берет Блюмкина к себе секретарем и начальником личной охраны. Они упоенно колесят в бронепоезде по всем фронтам, и Троцкий пишет о Блюмкине ни много ни мало: «Революция предпочитает молодых любовников», – а Лариса Рейснер закручивает с Блюмкиным мимолетный роман (одновременно значительно менее

мимолетно предпочитая, в отличие от революции, немолодого любовника Троцкого).

И уже вскоре Блюмкин снова вертится в кругу имажинистов и тусит в клубе поэтов, взапуск целуясь с Есениным. Маяковский с ним нежен, Якобсон приветлив, разве что брезгливый Мариенгоф считает позером и трусом, но насчет труса – это зря. Очень внешне интересный товарищ – с ассирийской черной бородой, непременно при галстукe, в ярко-рыжих штиблетах. И всегда с револьвером, который достает при любом удобном случае, целенаправленно находя какого-нибудь «хама» («Понимаете, я не выношу хамов», – так он говорит), грозя ему «пушкой» (это он так говорит: «пушка») со словами: «Я Блюмкин! Застрелю, как в Мирбаха стрелял!». Одним таким «хамом» окажется, например, начинающий актер Игорь Ильинский. Этим же пистолетом и этими же словами Блюмкин грозит чекистским патрулям, проверяющим документы, и те его беспрепятственно отпускают. Его подпись стоит рядом с подписями Есенина, Мариенгофа, Колобова и Шершеневича под уставом «Ассоциации вольнодумцев в Москве», созданной Есениным и продвигающей, о, я не могу, «духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции». Свободный, вишь ты, мыслитель и художник Блюмкин. Жалко, слова «акционист» тогда не было. Как и роскошного анекдота про «Слепцыыы! Это же был перформанс!».

Вскоре он официально становится большевиком и принимается активно искупать вину на фронтах революции. То восстание крестьян в Нижнем Поволжье подавляет, то Еланское восстание на Дону. И славится редкой «кровавостью». И такой он умничка, что направляют его учиться в Академию Генштаба (на факультет Востока), где он получает полноценное специфическое образование: изучает восточные языки, военные науки, экономику и политику (все страны, где ему предстоит побывать, и все операции, им выполненные, я не буду перечислять, там на втором десятке сбиваешься уже). Уже совсем скоро он станет прообразом молодого Штирлица, и его потом сыграет красивый Даниил Страхов, да, – это когда он будет расследовать хищения в Гохране, поедет в Ревель под псевдонимом Исаев (Исаем дедушку его звали), под видом ювелира – и все раскроет, и эту заграничную лавочку одним махом прекратит.

Генштабовские же знания скоро будут применены на практике: Блюмкин принимает самое активное участие в создании Персидской (Гилянкой) республики Советов и иранской компартии, членом ЦК которой его немедля и избирают. Заодно он занимает пост военкома тамошнего штаба Красной армии. Ужасно смешно, кстати: когда партизаны эту самую республику создавали, то поставили «непременное условие о полном невмешательстве в ее дела Советской России»...

Уже летом 20-го (какая же дикая плотность событий!) в Персии Блюмкин знакомится с легендарным резидентом Яковом Серебрянским и по его рекомендации становится сотрудником Особого отдела Гилянкой Красной армии. Знают его там как Якуб-заде, он участвует в боях, получает шесть ранений, а потом и вовсе совершает государственный переворот, приведя к власти Революционный комитет Ирана и заменив одного хана другим, «нашим». В этом месте до гилянцев начинает доходить, и они перестают ощущать Советскую Россию как союзника. А Блюмкин становится делегатом Съезда угнетенных народов Востока. Человек он теперь очень влиятельный – что помогает ему, например, осенью 20-го вытащить из тюрьмы Есенина, обвиненного в контрреволюции. Да и вообще, он неоднократно будет отмазывать имажинистов в трудных ситуациях – все той же лаконичной формулировкой: «Я – Блюмкин!» (так и хочется дополнить: «Ай’м Блюмкин. Яков Блюмкин»). Впрочем, он их тоже использовал вполне цинично – предпочитал ходить в толпе, находясь в центре, что Есенин меланхолично комментировал: Яша боится покушения, а так авось не попадут – и уцелеет. Кстати, Яша Есенину как-то сделал прелестный комплимент: «Я – террорист в политике, а ты, друг, террорист в поэзии». Позже, правда, они друг к другу слегка охладели. Блюмкину не понравится «Пугачев», и он попеняет Есенину, что тот выбрал какого-то дурацкого героя вместо, например, Бориса Савинкова, который куда как интересней во всех отношениях. А так-то они очень хорошо дружили: Блюмкин ревновал своих женщин к Есенину, а сам однажды чуть не изнасиловал есенинскую жену Надежду Вольпин, чудом спасшюся, дотянувшись до звонка прислуге... С женщинами у него вообще как-то странно – скажем, Наталия Сац всю жизнь была уверена,

что в смерти ее юной сестры Нины виноват Блюмкин. Нина, мол, его любила страстно, он ей о чем-то проболтался или чему-то она стала свидетелем, он ее заманил на свидание на юге и задушил на берегу моря. Ни толковых доводов против, ни убедительных доказательств за мне не попало. Блюмкин, кстати, был недолго женат. Татьяну Файнерман, дочь известного толстовца Тенеромо, он как раз в Академии Генштаба и встретил. Сын у них был, Мартин. Что с этим Мартином дальше стало, непонятно, потому что мать сменила ему фамилию в трудное время, и никаких прямых потомков у Блюмкина сегодня нет...

С 23-го Блюмкин (вы следите за возрастом, кстати? это значит 23 ему) по приглашению Дзержинского становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ, возглавляет резидентуру Ближнего Востока и получает оперативные псевдонимы Джек и Живой. С Есениным они по-прежнему очень близки, только Блюмкин все чаще ругает друга за «упадочные настроения». И именно Блюмкин устраивает встречу Есенина с Троцким, на которой нарком предлагает Есенину фактически возглавить всю крестьянскую литературу, открыть издательство, организовать журнал... Но только что-то такое Троцкий взамен потребовал от Есенина, что тот, к страшной досаде Блюмкина, от этого роскошного предложения отказался.

Сам Блюмкин все трудится. В Закавказье недолго рулит, успев подавить грузинское восстание – с реками крови, как водится. А дальше – история с эзотерикой, и это отдельная серия, конечно. Тут много домыслов и споров, но в целом выглядит так. В 24-м Блюмкин узнал об опытах по телепатии и существовании «замкнутого научного коллектива в Центральной Азии, и проекте установления контактов с носителями его тайн». Дальше он правдами и неправдами пробил создание секретной лаборатории нейроэнергетики, чтоб там, значит, изобретать всякое для шпионажа и учиться читать мысли противника на расстоянии. А еще выбил решение об организации поездки переодетых под паломников чекистов и ученых в Тибет, Индию, Синьцзян и в Гималаи, к Шамбале непосредственно. Личным распоряжением Дзержинского на это выделили 600 тысяч долларов. Подготовка велась на дачах спецотдела в поселке Верея. Учили английский и урду, на лошадаках ездить тренировались, а полиглот и мастер восточного рукопашного

боя Яков Блюмкин должен был экспедицию возглавить и заодно заниматься в процессе разведкой. Увы, из-за борьбы внутриведомственных группировок экспедиция не состоялась, но Блюмкин своего все равно добился, просто по-другому.

В сентябре 25-го границу Британской Индии с караваном мусульман-исмаилитов перешел хромой дервиш. В городе Балтит полиция его поймала идущим с почты, справедливо заподозрила в шпионаже, передала военной разведке, где его посадили под замок и пообещали расстрел назавтра. А он сбежал – из охраняемого помещения, да еще с важной диппочтой и английским обмундированием. За ним послали погоню, в которой принял участие и сам переодетый бывший дервиш, ныне – рядовой колониальных войск. Какое-то время погонявший за самим собой, он исчез – и превратился в монгольского монаха.

Который и присоединился к экспедиции Николая Рериха, путешествовавшего по Индии и Западному Китаю. Николай Константинович был человек увлекающийся, если знать, какие жать кнопки, так что совершенно поверил примкнувшему ламе и неустанно пел ему хвалу в своем дневнике. Лама ужжасно ему нравился! Пророчествует, как заведенный, да так затейливо и афористично, часами разгадывать приходится, был везде, от Урги до Цейлона, для защиты основ веры готов и за оружие взяться, безо всякого ханжества. Все про всех знает, глаз алмаз. А как испаряется и появляется – это что-то! Может на несколько дней исчезнуть. А потом – хоп! – и опять тут. Вообще-то, в это время лама Блюмкин занимался скучной картографией – блокпосты и высоты помечал, километраж замерял, коммуникации и погранзаграждения фиксировал. В какой-то момент даже Рерих что-то заподозрил, но Блюмкин быстро смекнул, что к чему, и дедушка в дневнике совсем забулькал: внезапно оказалось, что лама заговорил по-русски, постиг новое знание прямо на глазах! И даже знает разных общих знакомых! И у них вообще (настало время открыть Рериху новое, он страшно польщен доверием) – мощная и неуловимая странствующая организация лам, охватывающая весь мир!

В общем, Блюмкин с Рерихом реально прошел весь Западный Китай, посетил сотню монастырей, наслушался легенд, преодолел тридцать пять горных перевалов, включая считавшийся

неприступным Дангла, насобирав трав и камней, а также рецептов колдунов и брахманов. Только Шамбалы они не нашли – и не вдохновили тибетцев примкнуть к мировой революции.

В 1926-м они вернулись. Блюмкин Рериха сводил к нескольким доброглазым начальникам вегетарианского типа – вроде Луначарского и Чичерина. Распропагандированный Николай Константинович им уж каких только гостинцев не привез – и послания махатм большевистским вождям, где предлагалось создать Великий Восточный союз республик, и дар от этих самых махатм: ларец со священной землей Гималаев на могилу нашего брата махатма Ленина... А со временем всех, кто как-то терся рядом с проектом Шамбалы, убили, но это уже другая история (интересная тоже).

Тут есть вот еще какой странный поворот, который я не знаю, как вписать в хронологию: с этими расстояниями-то особо не ездишься туда-сюда, щекотливые поручения выполнять. И если в 25-м году Блюмкин всюду путешествовал с Рерихом, то как его можно притянуть к смерти Есенина – не очень понимаю. Тем не менее – притягивают. Ну, допустим, что какая-то из отлучек лампы была связана именно с этим. Потому что, по конспирологическим версиям гибели Есенина, именно Блюмкина вызвали искать пропавшего поэта – тот, сбежав из психушки, намеревался сбежать еще дальше, с высокой вероятностью – в Великобританию. И вроде как лучший друг Блюмкин с товарищем Леонтьевым вычислили его в Ленинграде. Причем вовсе не в «Англетере», бывшем в то время закрытым режимным учреждением НКВД-ОГПУ, где его в итоге нашли повешенным. И, по словам самого Николая Леонтьева, они с Блюмкиным Есенина и того. И вроде бы друг, которому – до свиданья, до свиданья, это как раз Блюмкин... Я такие теории, вообще-то, не очень. Но как-то и мудрым сетевым скепсисом окончательно проникнуться не получается – после всего прочитанного о веселых приключениях и проделках Серебрянского, Судоплатова, Эйтингона и Майрановского в школе и дома я уже не готова отрицать никаких отравленных ручек, несчастных случаев на производстве, самоубийств левой с предсмертными записками правой рукой и неочевидных мотивов устранения почему-то мешающих людей.

1927-й год Блюмкин встретил в Улан-Баторе в должности представителя ОГПУ в Монголии, а заодно главного инструктора по госбезопасности. На новогоднем банкете в ЦК Монгольской народной партии он надрался и лез с поцелуями к местным бонзам, требуя выпить за Одессу-маму. Затем отдал пионерский салют портрету Ленина, на который еще через минуту его стошнило. И ничего. Главный инструктор по госбезопасности все же, мало ли что там им дозволено. Да и вообще он монгольский народный герой, разбивший барона Унгерна.

Впрочем, говорят, в тот период он так увлекся расстрелами, что даже ГПУ сочло нужным его отозвать, и какое-то время Блюмкин маялся скукой. Он не в шутку тронулся на предмет своего величия, чисто эстетически в совершенно рейснеровском духе, кстати: принимал гостей в гэпэушной квартире в шелковом красном халате, куря аршинную трубку перед томом Ленина, всегда открытом на одной и той же странице. Охотно поддерживал беседу о своей роли в истории и покупался на самые примитивные розыгрыши: всерьез, например, поверил Кривицкому и Зоркому, сообщившим, что ему и убийству Мирбаха посвящена целая стена в Музее истории революции. Его стали пробовать в качестве консультанта, сунули было к Каменеву, но ничего не получалось: чванливый, все берега потерявший Блюмкин ухитрился немедленно восстановить против себя нового шефа. Секретари Наркомторга катались по полу, передавая друг другу торжественное и оскорбленное письменное обращение Блюмкина, начинавшееся словами: «Товарищ Каменев! Я вас спрашиваю: где я, что я и кто я такой?!».

И вдруг жизнь снова закрутилась. Дальше – серия, чем-то напоминающая ревертинский «Клуб Дюма». Потому что резидент ОГПУ, курирующий весь Ближний Восток, Яков Блюмкин как-то резко умнеет и опять дает театр одного актера. То он – набожный владелец прачечной в Яффо Гурфинкель. А то – персидский купец-коллекционер-антиквар Якуб Султанов. Он разворачивает резидентскую сеть (с точками под видом, скажем, букинистической лавки). А еще ездит по Европе и не только – и очень-очень задорого продает книги. Да какие: древние еврейские, истинные сокровища! Конфискованные – этакая не стоящая внимания

безделица – чекистами в синагогах, библиотеках, музеях, молитвенных домах и у частных лиц. Это просто ужас, сколько рыцари со своими сердцами и руками, что-то из которых чистое, изъяли тогда, – и старинные свитки Торы, и средневековые сочинения, устраивали целые рейды в еврейские местечки по стране, вырывая книги отовсюду. Специально для Блюмкина, чтоб, значит, хорошо, достоверно ему торговалось. Блюстители народного достояния, да. Казну Блюмкин тогда здорово пополнил. Уж не знаю, оседало ли что где, прилипало ли к чистым рукам в процессе – или так наперебой и падали, по заветам Дзержинского, в голодные обмороки, как кегли. И здесь, кстати, опять можно ту музычку со скрипочкой или хор Турецкого, вот как хорошо и авантюрно-весело.

...А дальше все не весело, а очень странно. Потому что начинается тема двойной агентуры и всяческого сам себя перехитрил, или мощнейшей аппаратной интриги. Летом 29-го Блюмкин приезжает в Москву. Перед этим встретившись с сыном Троцкого Львом Седовым. Тот ему передал письмо отца родным и две книги, где между строк каким-то специальным раствором вписано обращение к оставшимся в СССР сторонникам. Что это было – попытка Блюмкина действительно перебежать к Троцкому или работа на своих? Здесь явные лакуны в хронологии, и никто не берется точно утверждать, когда, почему, самовольно или по поручению и с какой целью Блюмкин начал окучивать беглого вождя.

В Москве он с большим успехом отчитывается в ЦК. Среди прочего рассказывает о скандалах на аукционах, где, надо же, как неловко, то и дело обнаруживались на священных еврейских книгах пометки о том, из какой синагоги или музея их сперли. А еще он рассказывает – и при этом нагло врет – об успехе порученной ему акции устранения сбежавшего секретаря Сталина Бориса Бажанова. На самом деле вместо Бажанова из поезда выбросили другого человека, и, видимо, это было совершенно осознанно спланировано Блюмкиным... теперь уж не узнаешь, даже сам Бажанов до конца не разобрался, но Сталин поначалу поверил, был совершенно счастлив и в педагогических целях широко оповестил общественность, что наши длинные руки завсегда предателей настигнут. В итоге Блюмкина приглашает на домашний обед сам Менжинский и вот тут уже действительно поручает войти в доверие к Троцкому.

Тем временем Ягода был единственным, кто Блюмкину не верил. И насчет Бажанова не верил. И вообще. Поэтому дал деликатное ответственное поручение сотруднице Иностранного отдела Елизавете Горской (Лизе Розенцвейг, если уж на то пошло). Горская была единственной женщиной, к которой Блюмкин что-то чувствовал. Чрезвычайно одаренной агентшей, по словам Судоплатова, – сказочно обаятельной и одной из лучших вербовщиц. Какое-то время в Константинополе она с ним крутила, потом порвала, и Блюмкин так и не понял, что все это время она его пасла. Ну и теперь, когда Лиза сказала, что чувства вернулись, охотно распростер объятия.

Он успел скататься в Турцию, передать Троцкому какие-то секретные материалы. А по возвращении, в ночь на 15 октября его арестовали. Ровно за то, что поручили! За связь с Троцким и троцкистами в СССР. Формальное основание-доказательство – он, мол, попытался завербовать Лизу Горскую. Кто кого перемудрил, уж не поймешь. Главное, что глава Иностранного отдела Трилиссер отдал приказ взять Блюмкина – любимца Дзержинского и Менжинского, легендарного убийцу Мирбаха, обладателя персональной статьи в новой Советской энциклопедии, безупречно вот только что прошедшего очередную внутреннюю чистку с вердиктом «лучший и преданный чекист» и живущего на квартире Луначарского, авторитетного собеседника Молотова, Мануильского и Радека... В Деле № 864И первым красовался доклад Лизы Горской Якову Агранову. Обо всех встречах с Блюмкиным. О том, как он под секретом рассказал ей о своем общении с Троцким. О том, что, опасаясь, что бывшие троцкисты Радек и Смилга его выдадут, собрался бежать на Кавказ.

И почти бежал. Глянула на календарь – и обалдела! Сегодня, друзья! Прямо вот сейчас, в ночь на 15 октября 1929 года. Лиза спустилась с ним на улицу, и ей пришлось сесть в машину, хотя Трилиссер приказал ей этого не делать, но группа захвата задерживалась, и у Лизы не оставалось выхода. Они поехали на вокзал, где Лиза всерьез собиралась в случае чего арестовать Блюмкина с помощью милиционера. Но поезда на Ростов не было, Блюмкин грустно сказал, что теперь катастрофа неизбежна, и они поехали домой.

Забавно, что приказ задержать Блюмкина было реально кому-то выполнять. В час ночи, когда Трилиссер его подписал, стали искать кого-нибудь из начальников секторов – и нашли в итоге только кассира отдела Ивана Ключарева, который и поехал на задержание. Он рассказывал потом, как группа не застала Блюмкина дома, как ждали внизу, как подъехало такси с Блюмкиным и Горской, как Блюмкин сразу все понял, и такси умчалось. Как гэпэушная машина неслась за такси по пустым ночным улицам и все-таки нагнала у Петровского парка, как Блюмкин, снова все поняв, остановил машину и вышел с криком: «Товарищи, не стреляйте, сдаюсь, отвезите меня к Трилиссеру, я ужасно устал!».

И вот тут эта история набирает предельные обороты, и нам является странное смешение едва ли не шекспировского накала со слезливым апофеозом классической блатной песни-саги. Потому что Блюмкин поворачивается к своей чекистской шлюхе и спокойно говорит: «Ну, прощай, Лиза, я ведь знаю, это ты меня предала». А чекистская шлюха ничего ему не отвечает. И есть как минимум три варианта этого кино: скажем, сидит она, с непроницаемым лицом глядя перед собой; или, скажем, вся сжавшись, смотрит на него в упор с вызовом; или, скажем, лицо ее на секунду подергивается, как рябью, виной, сочувствием и задавленной влюбленностью, потому что такого больше уже никогда не будет (говорят, сильно она изменилась после этой истории, очень жесткой стала). И есть множество музыкальных раскрасок этого эпизода, создающих нужное настроение, – хоть вариация на тему «Мурки», хоть вечно спешащий на помощь Альбинони, хоть той же спекулятивной еврейской мелодии придать нужной ой-вэй-заунывности, хоть неувлимо изменить на лирический лад «Марсельезу»... В общем, как бы то ни было, Блюмкина увозят. Всю дорогу до ГПУ он молчит и только безостановочно курит.

А Лиза, кстати, еще даст прикурить всем разведкам мира. Выйдет замуж за разведчика Василия Зарубина, выполнит миллион заданий разной степени важности. Звездный час ее пробьет в Штатах. Там Зарубиных звали Зубилиными, он был первым секретарем советского посольства, а она – пресс-атташе вице-консула СССР в Нью-Йорке. И когда американские физики, включая двенадцать нобелевских лауреатов, начали работать над атом-

ной бомбой, Зубилина стала прямо вот совсем своей, родной и близкой в доме научного руководителя проекта Роберта Оппенгеймера. И ух сколько всякого передала в Москву. В 44-м их вернули домой, она получила звание подполковника, работала у Судоплатова в разведывательно-диверсионном отделе, но после его ареста в 53-м оказалась на пенсии. Среди тех, кого она завербовала, были личности непростые: и Вилли Леман, и жена Георгия Гамова, и (вот это прямо очень мне противно, я давно знаю эту историю) жена Конёнкова. Умерла она в 87 лет, совершенно в духе... в общем, ее сбил автобус.

Ну а следствие по делу Блюмкина вел его друг, коллега и тезка Яков Агранов, бриковский Янечка, известный предельной жестокостью. Ягода требовал расстрела, Трилиссер просил ограничиться тюрьмой, Менжинский колебался... Сталин согласился с Ягодой, конечно. Расстрел с конфискацией – за контрреволюционную деятельность, повторную измену делу пролетарской революции, измену чекистской армии и шпионаж в пользу германской военной разведки. Есть слух, что Блюмкин, услышав приговор, спросил: а про это будет в «Известиях» или в «Правде»?

Говорят, умер кррррасиво. По одной версии кричал взвуду: «Стреляйте в мировую революцию! Да здравствует Троцкий!» – и пел «Интернационал». По другой отбросил повязку с глаз и сам командовал: «По революции – пли!».

А что потом, а что потом, ты спрашивала шепотом? Ну как... Кто-то выдохнул и обрадовался, кто-то (коллеги, в основном) – ужаснулся. До Маяковского, говорят, что-то окончательно дошло, именно когда он узнал о гибели Блюмкина: мол, ходил полдня со «страшным лицом», никого не узнавая и не здороваясь... но, что характерно, ни словечком вслух на эту самую смерть не откликнулся (а так-то книжки дарил с надписями «Дорогому товарищу Блюмочке»). Потом довольно долго – ничего. Десятилетия спустя Юлиан Семенов напишет «Бриллианты для диктатуры пролетариата», всю эффектную блюмкинскую канву подарив Максиму Исаеву-Штирлицу. Затем начнут просачиваться эмигрантские или вышедшие из подполья мемуары – Бориса Бажанова, Матвея Ройзмана. Потом Катаев, конечно, – в высшей степени талантливо описавший его как Наума Беспощадного в «Уже написан

Вертер» и получивший за это исключительно травлю и обвинения в огульном антисемитизме со стороны трепетной интеллигенции. Смешно, конечно, Блюмкин поржал бы, надо думать.

Странное на самом деле производит он впечатление – неоднозначное, даже по воспоминаниям: то его представляют реальным мясником, то чванливым дураком с полномочиями, а то вполне себе интеллектуалом и полиглотом. То он топит в крови и расстреливает – а то продумывает и реализует по-настоящему сложные схемы разведки и разбирается с непростыми эзотерическими выкладками... Если вдуматься, выходит, что он во многом первый. Первый расстрелянный за связь с оппозицией. Первый монструозный дружок-взасос интеллигенции в стиле «тссс, ма шер, в сущности, в нем есть нечто подлинное, не смотрите на него, авось ему наскучит, и сам уйдет», которая, впрочем, ничему на этом примере так никогда и не научилась. Человек, чья жизнь за короткий срок вместила рекордное количество поразительных событий и мифологических поворотов. (По насыщенности радикально влияющими на ход истории поступками он же всех переплюнул, какие там Пушкины с Лермонтовыми на единицу времени! Так и вижу парадоксальный перевертыш «Неоконченной пьесы», где гладенький чекист изменившимся лицом бежит пруду, крича: «Мне 35 лет! Блюмкина еще в 29 поставили к стенке!!!».) И до отвращения яркая личность, конечно, авантюрист, конквистадор, охотник за головами, расхититель гробниц, подставляй что хочешь. Немного даже жаль, что у него не осталось внучат, к которым он, буде жив, – грудь в орденах и специальных наградных знаках для тех, кто понимает, благостный, зубы передние фарфоровые – приходил бы рассказывать на пионерских сборах про Шамбалу и лам, это был бы, я думаю, самый прикольный дедушка-ветеран в пыльном шлеме, мечта любого тогдашнего внука. На самом деле не понимаю, почему он не стал нарицательным – вполне ведь заслуживает. А с другой стороны – нет, и ладно, и поделом, хорошее наказание при его-то тщеславии.

Ну чего, серий на восемь накидали, да? И всё, всё, теперь всё, пошел вон.